

Памук Орхан

07.06.06

№42 (1164) 05.06—07.06.2006 г.

Новая газ. - с. 26

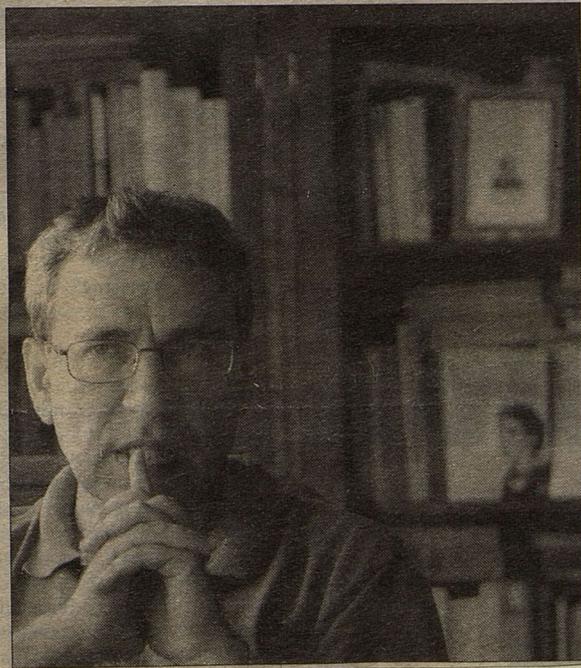
Орхан ПАМУК: «Печаль Стамбула легко перевести на русский»

Замечательный турецкий прозаик приехал в Россию впервые — представить новую книгу. Вслед за романами «Снег», «Черная книга», «Белая крепость», «Меня зовут Красный» в Москве вышел том «Стамбул. Город воспоминаний» (М.: Издательство Ольги Морозовой, 2006).

— Вальтер Беньямин говорил, что «книги городов» делятся на два вида: «записки путешественника» и «записки обитателя». «Наблюдатель проездом» везде видит экзотику, ищет ее и счастлив, когда найдет. Обитатель ищет совершенно иное.

Мой «Стамбул» — типичные записки обитателя. Я хотел писать именно о городе с его историей. Но потом в книгу вошла моя семья, виды из наших окон. Моя жизнь до 22 лет. До 22 лет я собирался стать художником. Начиная изучать Стамбул, рисуя город на всех его углах. Конечно, искал «свои» мелочи. Окраины, переулки очень притягивали.

Меня давно занимал вопрос: почему те и эти города принято считать красивыми? Не потому ли, что их образ уже сформировала для нас литература?

Так появились главы о путевых записках Теофиля Готье, Жерара де Нерваля, Флобера. И главы о турецких «поэтах Стамбула», о газетном жанре городского фельетона. Еще одна сквозная тема — меланхолия Стамбула. «Грусть после исчезновения империи». Может быть, эта меланхолия будет особо внятной русскому читателю.

— Вы первым в современной Турции заговорили о геноциде армян и курдов в 1915 году. Вас обвинили в «антипатриотических высказываниях» и даже собирались отдать под суд. Понтер Грасс, Габриэль Гарсия Маркес, Жозе Сарамаго писали властям Турции письма в вашу защиту. Что вы думаете об этом сюжете?

— Для меня этот эпизод 2005 года был, пожалуй, внутренним делом Турции. Я отстаивал в своей стране право художника писать о том, что он видит, то, что думает на самом деле. В этом и есть свобода слова. Когда-нибудь мы, несомненно, к ней придем.

— Вы писали о любви к русской литературе. Так Толстой или Достоевский?

— Ну это вроде вопроса «кого ты больше любишь, маму или папу?». Честный ребенок ответит: когда как. Когда восхищен миром, его деталями, когда счастлив жить — тогда Толстой. Когда пытаешься решить для себя неразрешимое — Достоевский.

Но я бы назвал четыре имени: Толстой, Достоевский, Чехов, Набоков.

— Среди ваших родных есть русские. «Русская волна» 1920-х годов оставила след в городской легенде?

— Русской была мать моей первой жены. А ее отец — турок. В детстве мать с дочерью говорили по-русски. На моей памяти это уже была классическая турецкая семья. Но о «Белой армии в Константинополе» я кое-что знаю. Когда приезжал Дмитрий Набоков (сын писателя, оперный певец. — Е.Д.), именно я водил его по Стамбулу.

● Записала Елена ДЬЯКОВА

P.S. Тут время истекло. Памук стремился на Волхонку, в Пушкинский музей — посмотреть «московских» фовистов, Гогена и Пикассо. Живописец (которым он хотел стать в юности) явно еще жив. И не только в плотной, зримой яркости его прозы.

О книге Орхана Памука «Стамбул. Город воспоминаний» — в следующем номере.